

ШМИДТ К. Х.

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ И КАРТВЕЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ *

Реконструкция праязыка базируется на двух предпосылках: 1) доказательстве генетического родства между исторически вычлененными дочерними языками; 2) выявлении архаизмов и инноваций в этих языках. Доказательство генетического языкового родства — это процесс идентификации, связанный с конкретной субстанцией лингвистических элементов (ср. [1]), при котором рекуррентные закономерные звукосоответствия, установленные путем сравнения морфемных и словарных элементов, образуют на фонологическом уровне (ср. [2—10]) фундамент для обнаружения элементов более высоких уровней праязыка, т. е. морфологии, словообразования, синтаксиса и лексики, на которые дополнительно влияли факторы изменения языка, не мотивированные фонологически. Приведем в этой связи следующий пример: старый «эргатив, совмещающий функции и другого падежа»¹, сохранил в сванском функции эргатива и направительного, в то время как в грузинском и занском вследствие возникновения новых морфем с эргативной функцией (др.-груз. *-maп*, зан. *-k*) его роль была ограничена выполнением функции направительного.

- (1) ЮК косвенный падеж-(a)d — [Первичная функция: эргативный падеж сван. *-(a)d*, др.-груз. *-maп*, зан. *-k*
 Вторичная функция: обстоятельственный падеж др.-груз., зан., сван. *-(a)d*².

Дальнейшее структурное развитие не зависело от засвидетельствованного в мегрельском переходе от картв. *-ad* к зан. *-o (t)*:

(2) Мегр. *koč-o (t)* «в качестве человека», *te cira ma čil-o točo* «я желаю (иметь) эту девицу женою» (ср. [15]).

Происшедшее в грузинском и занском расщепление былого «э р г а т и в а, совмещавшего функции и другого падежа», по-видимому, было результатом потребности обособления эргатива как падежа агенса. Соот-

* В основу статьи положен доклад, прочитанный в Тбилиси 11 сентября 1987 г. За перевод доклада на русский язык я приношу благодарность г-ну В. Сорокину.

¹ По месту, занимаемому в системе падежей, различаются э р г а т и в с а м о с т о я т е л ь н ы й (термин, введенный И. И. Мещаниновым) и э р г а т и в, с о в м е щ а ю щ и й ф у н к ц и и и другого падежа. Самостоятельную падежную единицу эргатив представляет в грузинском и занском языках. Функции творительного падежа он совмещает в аварском, даргинском, удинском, чеченском, ингушском языках, дательного — в адыгейском и кабардинском, локативного — в лезгинском, трансформативного — в сванском, родительного — в лакском языке» ([11]; ср. также [12]).

² Ср. [13, с. 255]; Климов проводит различие между показателями именительного *-i/-e* и эргативного *-maп, -m, -k* падежей как «исторически связанных с категорией определенности» и показателями остальных падежей, включая сван. *-d*, «в которых представлены „собственно падежные“ окончания» [14, с. 17—18].

ветствующий процесс отвечает принципу, сформулированному Куриловичем: «Эмпирический факт, часто наблюдаемый в лингвистической диахронии, состоит в вытеснении или замещении одного морфа другим только в его первичной или вторичной функции. Обновляется не сама морфема, а только морф, соотносящийся с частью ее функциональной сферы» [16].

На основе описанного здесь структурного изменения сванский эргатив на *-m*³, ограниченный в своем употреблении, следует отнести к более молодой формации. Из двух гипотез к объяснению образования⁴, по-видимому, заслуживает предпочтения теория, которая связывает эту морфему эргатива с ее грузинским соответствием:

(3) Груз. *-man* : сван. *-m*

Для пракартвельской падежной системы примечательно, что остальные грамматические падежи — абсолютив, именительный, дательный, родительный (ср. [19]), к которым Г. Топуриа прибавляет и инструментальный падеж [20], — сохранились в парадигме числа всех картвельских языков:

(4)	Абсолютив (casus indefinitus)	*-∅
	им.	*-i
	эрг.-направ.	*-(a)d
	дат.	*-s
	род.	*-(i)š
	твор.	*-t' ⁵

Что касается второй предпосылки для реконструкции доисторической модели, различения архаизмов и инноваций, то способ реконструкции должен брать свое начало в архаических памятниках языка или языковой группы, поскольку они наиболее близко стоят к праязыку. Архаизм языка может иметь различные основания: с точки зрения абсолютной хронологии он объясняется наличием ранней традиции; с точки зрения относительной хронологии он обуславливается консервативным статусом языкового материала, который вовсе не обязательно должен объясняться ранней традицией; раннее вычленение и маргинальная позиция языка (например, грузинские диалекты) или консервативное своеобразие какой-то группы текстов (например, юридические тексты, поэзия) могут способствовать сохранению более древнего состояния. Историческое соотношение картвельских языков по признакам традиции: 1) абсолютная хронология; 2) релятивная хронология; 3) когерентная традиция против фрагментарной традиции; 4) продолжительность традиции, — образует следующую картину:

³ Согласно Дондуа, эргатив на *-m*: «а) налицо только в единственном числе и только в нарицательных именах; б) является единственной формой эргатива в указательных местоимениях (*amñe-m* „этот“; при двойной аффиксации — *amñe-m-d*; *ežñe-m* „тот“ и др.); в) является характерным в именах числительных (*ašwe-m* „один“, *jarwe-m* „два, двое“ и др.); в сравнительной и превосходной степенях (*xoše-m*, *xoše-m-n-ē-m* „старший“; *xoxwre-m* „младший“ и т. п.)» [17, с. 193].

⁴ Ср., с одной стороны, Дондуа [17, с. 194]: «адыгейская форма эргатива возникла в период становления сванской эргативной конструкции, во всяком случае, не позднее возникновения картвельского эргатива»; с другой стороны, Климов [14, с. 53]: «сванская морфема *-m* (или гласный + *m*), совпадающая с отмеченным выше грузинским показателем»; см. также [18, с. 325 и сл.].

⁵ Ср. [19; 14, с. 146]; ср. также [20, с. 114]: «груз. *-(i)t*, мегр. *-(i)t(i)*, чан. *-(i)te(n)*, сван. *-šw // -wš* [...]. Следовательно: **-w-šd > -wš* (упрощение комплекса) *> -šw* (метатезис, Т. С. Шарадзенидзе). Например: *bāš* „камень“ — **bač-w-šd > bač-w-š > bač-šw*. О соотношении груз., зан. *t* : сван. *šd* ср. [6, с. 75; 21].

(5)

	1	2	3	4
Др.-груз.	+	+	+	+
сван.	-	+	+	-
мегр.	-	-	+	-
лазск.	-	-	+	-

С точки зрения а б с о л ю т н о й х р о н о л о г и и грузинский язык, письменные традиции которого восходят к V в., занимает особое место. Архаические черты древнегрузинского можно обнаружить как путем сравнения с новогрузинским, так и путем сопоставления с другими современными картвельскими языками. Признаки, отличающие древнегрузинский от позднего грузинского языка, неоднократно обсуждались, например, А. Чикобава [22], И. Кавтарадзе [23] и в последнее время З. Сарджвеладзе [24]. К трансформациям относятся на фонологическом уровне процессы дедифтонгизации и совпадения увулярного *q* и *x* в *x*.

(6) Др.-груз., сван. *qan*- «пахать»: груз. *xan*-, зан. *xon*-; др.-груз. *qar-i*, сван. *qan* «бык»: груз. *xar-i*, зан. *xoʒ-i*.

На морфологическом уровне у инноваций — таких, как склонение имен собственных в именительном и звательном падежах⁶, или совпадение объектных личных префиксов 1 лица мн. числа — обнаруживается утрата грамматических категорий. Склонение имен собственных показывает, что категориальное различие между индетерминированными апеллятивами и детерминированными собственными именами нейтрализовано. Имена собственные не оформляются в немаркированном корневом падеже (прямой падеж *casus indefinitus*), но следуют морфолого-синтаксической модели апеллятива⁷. Сведение к единому образцу объектных личных префиксов 1 лица мн. числа, по-видимому, означает снятие категориальной дифференциации между инклюзивом и эксклюзивом:

(7) Эксклюзивное др.-груз. *m : puri ese čueni arsobisaj motec čuen dʒeʒ* Тὸν ἄρτον ἡμῶν τὸν ἐπιούσιον δὸς ἡμῖν σήμερον (Мф. 6,11); инклюзивное *gu* «Хлеб наш насущный даждь нам днесь».

Высказанное Шанидзе предположение, «что в литературном грузинском древнейшего периода различались формы инклюзива / эксклюзива в 1-м объектном лице множественного числа *gu*- должно было быть показателем инклюзивного лица, а *m*- — эксклюзивного» [25, с. 65], подтверждается двояким образом: 1) благодаря существованию алломорфов *gy*- и *m*- в древнегрузинском; 2) обнаружением категории инклюзива / эксклюзива в сванском.

(8) Притяж. местоимение 1 л. мн. ч. экскл. *nišgwej* при инкл. *gwišgwej*, глагольный показатель субъекта 1 л. мн. ч. экскл. *xw — d*, *w — d* при инкл. *l — d*, *lə — d*; показатель объектного лица экскл. *n*, *nə* при инкл. *gw*.

К трансформациям, изменяющим структуру языка, относится также развитие согласования между дательным падежом и морфемой мн. числа *-t*, на которую уже указал Деетерс [2, с. 57]:

(9) др.-груз. *rametu ganuʒirav-t* (им. п.) *da arɣara xart tkuen misa erad* «ибо он вас покинул и вы уже не его народ»: груз. *qi-čeria-t* (дат. п.) «вы написали».

Ослабление согласования в номинативе способствовало исчезновению глагольного суффикса мн. числа *-n* [23, с. 580], процесс, который, по

⁶ Ср. Шанидзе [25, с. 41]; архаичность древнегрузинского подтверждается, например, черкесским, ср.: «В функции именительного и эргативного падежей имена собственные встречаются в основном без оформления в виде основы» [26, с. 63].

⁷ Ср. Чикобава (ссылка по [14, с. 42]) и см. также [27].

мнению Чикобава [22, с. 12 и сл.], может быть связан с распространением исторически коллективного мн. числа на *-eb*. В то время как для мн. числа в древнегрузинском, выраженного морфемой *-n*, действительна формулировка Чикобава — «в древнегрузинском именительный множественного на *-n* всегда согласуется с глаголом в числе» [22, с. 12], коллективное мн. число на *-eb* не указывается среди глагольных аффиксов: «глагол с ним не согласуется» [22, с. 13] ⁸. Характерным признаком раннего древнегрузинского, в отличие от современных картвельских языков, является флексивный аспект (в терминологии Хольта [29, с. 35]), сложившийся на оппозиции перфективной системы аориста и имперфективной системы презенса и типологически соответствующий древнеиндоевропейскому виду в дефиниции, данной Мейе для классического греческого: «Тема презенса обозначает процесс, рассматриваемый в своем развитии, в продолжении; тема аориста — процесс сам по себе в целом; первый можно обозначить линией, а второй — точкой» [30]. Внутри системы древнегрузинского аспекта особое место занимает пермансив; ср. [31, с. 80]:

(10)	Способ действия (вневременное, обычное) Конъюнктив-футурум Императив	Перфектив Аорист Пермансив Конъюнктив-футурум II Императив II	Имперфектив Презенс, имперфект Пермансив презенс, Пермансив имперфект Конъюнктив-футурум I Императив I
------	---	---	---

Исходящий из основы аориста пермансив не может принадлежать к имперфективному аспекту, хотя Чикобава [32] и Г. Мачавариани [33, с. 123] принимают это; ср. также [31; 34, с. 292].

(11) Аор. *mo-klā* «он убил»: перм. *mo-kl-i-s*: сослаг.-буд. II *mo-kl-a-s*: императив II *mo-kał-n*.

Древнейшая функция пермансива — гномическая, как она описана Деестерсом [2, с. 111]: «Пермансив выражает общие истины, справедливые безотносительно ко времени, следовательно, встречается в сентенциях и — в соответствии с природой текста — особенно часто в высказываниях о боге». Гномическая функция пермансива находит типологическую параллель в гномическом аористе древнегреческого: *ὅς καὶ θεοῖς ἐπιπέθεται, μάλα τ'ἔκλυον αὐτοῦ* (Ил. 1, 218) «Кто бессмертным покорен, тому и бессмертные внемлют» (см. [35]). Синтагматические структуры современных картвельских языков складываются формально на глагольной основе и отличаются также функционально — передаваемым законченным или незаконченным действием — от более старой флексивной структуры, ср. [2, с. 138; 36, 37, 34, 33]. Для грузинского переход к синтагматической структуре Шанидзе датирует периодом между XI и XVI столетиями. К сохранившимся в отдельных языках реликтам флексивного характера относят лазские свидетельства проспективного сослагательного в функции буд. времени ⁹, соответствующие сванскому образованию имперфективного будущего с помощью суффиксов *un-i*, *in-i* от основы наст. времени:

(12) В.-балт. *aqni* «пахет»: *aqn-uni* «будет пахать»: *ad-qāni* «попахет» [3, с. 112; 33, с. 138; 39, с. 161].

К этим же реликтам относится прослеживаемое во всех картвельских языках образование супплетивных парадигм:

⁸ О соотношении *-n* и *-t* см. также [28].

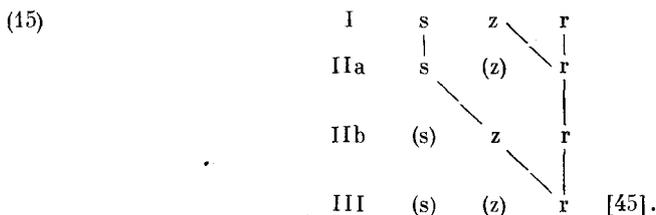
⁹ Ср. [38; 33, с. 134]; из недавних работ см. [39, с. 149] (примеры из [40]).

(13) Груз. аор. *naxa* «увидел»: *tkva* «сказал»: буд. вр. *naxavs, itqvis*: наст. вр. *xedavs, ambobs*; сван. аор. *la-ĩš, la-l-ěš* «выпил»; *la-l-ēm* «съел»: наст. вр. *itre, izbi* (ср. [41, с. 272; 37, с. 111; 33, с. 121; 42, 43]).

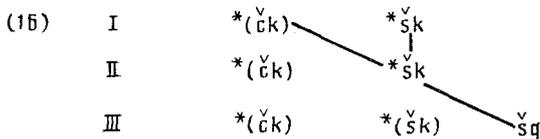
Что касается относительной хронологии, которая и является основным предметом данной статьи, то она как вспомогательное средство реконструкции была разработана на базе исторической фонологии. Гётце называет относительную хронологию «eine Chronologie nach inneren Kriterien» («хронологией по внутренним критериям»), причем ставя временную последовательность диахронических процессов в центр историко-лингвистических исследований и различая четыре потенциальных отношения между двумя фонемами:

- (14)
- «1. Звук развивается из другого;
 2. Другой звук развивается из данного;
 3. Звук влияет на другой;
 4. Звук подвергается влиянию другого звука» [44].

50 лет спустя после Гётце проблему промежуточных ступеней (intermediate stages) при бинарном слиянии (binary merger) двух фонем исследует Хенигсвальд [45]. В качестве иллюстрации он приводит переход сибилантной фриктивной фонемы /s/ — через промежуточную ступень */z/ в /r/:



Представленное в (15) «оптимальное решение» описывается Хенигсвальдом следующим образом: «Оно избегает более нежели минимальные сдвиги за интервал времени; избегает симультанности разделений или слияний и позволяет определить обе ступени II и III наиболее ясным образом, а именно посредством слияний. В то же время оно имеет дело с минимальным числом ступеней» [45]. Картвельский пример слияния дает совпадение *čk и *šk в сванском šg — с промежуточной ступенью *šk:



Сохранившиеся в занском комплексы согласных праязыка трансформировались в сванском и грузинском различным образом:

(17) Зан. *čkimi*: груз. *čemi*: сван. *mi-šgu* «мой»; зан. *škviti*: груз. *švidi*: сван. *išgwid* «семь»¹⁰.

Релятивная хронология в картвельских языках была исследована уже в ряде работ, в том числе в основополагающем труде Гамкрелидзе / Ма-

¹⁰ Ср. [6, с. 57; 8, с. 40]; о развитии *škw > *škw и т. д. см. [5, с. 26 и сл.].

чавариани [9]. При систематическом рассмотрении материала следует, однако, обратить внимание на два обстоятельства: 1) расширение сферы применения относительной хронологии за пределы фонологического уровня, т. е. распространение этого приема на морфологию, синтаксис, словообразование и лексику; 2) учет генетических взаимоотношений картвельских языков. О применении относительной хронологии на морфологосинтаксическом уровне говорилось выше в связи с сохранением в сванском «эргатива, совмещающего функции и другого падежа», ср. (1). Типологические параллели других кавказских языков — среди прочего преимущественно диптогическая система черкесского¹¹ или открытый Г. Топуриа для дагестанского склонения «палеоэргативный уровень» [46] — говорят о пракартвельском статусе этого синкретического падежа, который позже в отдельных языках был заменен эргативом самостоятельным. Дальнейшие подтверждения эффективности приема релятивной хронологии на синтаксическом уровне мы находим в лазском и мегрельском: трихотомия в грузинском и сванском — системы аориста, наст. времени и перфекта —

(18)

Аор.: эрг. п. — им. п.
Наст. вр.: им. п. — дат. п.
Перф.: дат. п. — им. п.

утрачена в обоих занских языках различными путями. В лазском она была сведена к единой модели транзитивной диатезы по примеру аориста:

(19) Аор. *usta-k* (эрг. п.) *doḡodu oxori* (им. п.) «Плотник построил дом» >
> наст. вр. *usta-k ḡodums oxori*, перф. *usta-k doḡodudoren oxori*¹², в мегрельском — распространением эргатива с транзитивной на интранзитивную функцию аориста:

(20) Аор. переходный *xuro-k 'ude kodaagu* «Плотник дом построил» >
> аор. непереходный *tiši tuma-k* (эрг. п.) *doḡuru* «Его отец умер»¹³.
Тенденция к аналогичному выравниванию в серии аориста действовала также в грузинском:

(21) *zaylta daiḡera* «Собака залаяла».

По Харрис, семантический контекст для обобщения эргатива остается ограниченным глаголами, «выражающими направленное движение... производство шума... перемещение с одного места на другое... и другие действия» [49].

Семантически отграниченный контекст подтверждает мнение Деетерса, что «случаи совершенно немотивированной постановки эргатива при непереходных глаголах... могут быть объяснены только аналогичным переносом» [2, с. 98]. Против интересной попытки Климова [50, с. 223] интерпретировать свидетельства эргатива в связи с интранзитивными глаголами как реликты более старой активной конструкции говорит среди прочего и древнеармянский перфект, который обнаруживает типологическую параллель аналогичного переноса агенса с транзитивной на интранзитивную синтагму при «семантически активных глаголах» движения [51, с. 10]:

(22) *Ew anḡeal ənd ayn Yisusi* (род. п.) *etes zayr mi* Καὶ παράγων ὁ ἠρώσος ἐξεῖθεν εἶδεν ἄνθρωπον (Мф. 9, 9); *sneal Ormazdi* (род. п.) ...*ekn ekaḡ araḡi Zruanay* (Езн. 114) «когда Ормизд родился... пошел он и предстал перед Зрваном» [52—55].

¹¹ Рогава / Керашева различают следующие падежи: «именительный, эргативный, творительный и превратительный» [26, с. 61].

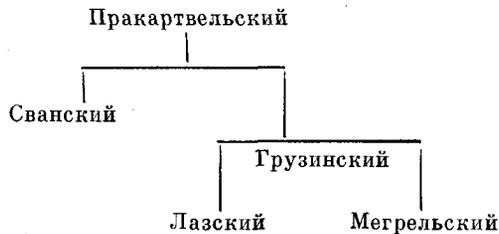
¹² Примеры из [40, с. 103]; ср. также [47, с. 164 и сл.].

¹³ Примеры из [40, с. 104; 48].

Трихотомия, сохранившаяся в грузинском и сванском (18), представляет собой, таким образом, непосредственную пракартвельскую основу синтаксического развития в занских языках. Но если сопоставить лазско-мегрельские конструкции с типологически более старой эргативной моделью северокавказских языков, как она, например, имеет место в черкесском, то следует рассматривать пракартвельскую модель относительно-хронологически только как промежуточную ступень.

Важным условием утраты эргативной конструкции в пракартвельской системе наст. времени явился, видимо, его имперфективный аспект (вид) (ср. [47]). Однако развитие транзитивного презенса в картвельском, по-видимому, трудно объяснить факторами, которые способствовали трансформации доисторического индоевропейского в номинативный язык — т. е. особая близость признаков одушевленности и маркированности при прямом объекте транзитивных глаголов [56—58] и аналогичное маркирование субъекта интранзитивных глаголов. Второй аспект релятивной хронологии — выше постулированный критерий расщепления пракартвельского — базируется на трех теоретических предпосылках: 1) на разработанном Деетерсом [2] родословном древе (Stammbaum), которое обнаруживает раннее отделение сванского:

(23)



2) на принципе Лескина [59]: «Критерии ближайшего родства могут быть обнаружены только в таких позитивных сходжениях данных языков, которые в то же время были бы совместными отличиями». Примененный к картвельскому материалу, этот принцип позволяет ожидать общие инновации не только в лазском и мегрельском, но и в занском и грузинском; 3) на характере сванского как маргинального языка, раннее выделение которого имеет своим последствием сохранение архаических черт. Данную Мейе [6] дефиницию для индоевропейских маргинальных языков можно применить поэтому *mutatis mutandis* и к сванскому: «Языки, занимающие периферию индоевропейской территории, могли принадлежать переселенцам, которые первыми отделились от „индоевропейского“ народа и вследствие этого сохранили архаизмы, не известные тем переселенцам, язык которых, принадлежа к центральному району, сохраняет традицию». Наряду с древнегрузинским, сохранившим в силу абсолютной хронологии архаические черты, сванский своими архаизмами, обусловленными его релятивной хронологией, также вносит значительный вклад в дело реконструкции пракартвельского.

Архаизмы, сохранившиеся в сванском, противостоят инновациям в других картвельских языках. Они подразделяются на три группы:

А. Архаизмы ограничены пределами сванского (принцип маргинального языка); грузинский и занский развивались совместно (принцип Лескина).

Б. Сванские архаизмы подтверждаются грузинским. Консервативность грузинского может объясняться ранней письменной традицией (принцип абсолютной хронологии).

В. Сванские архаизмы подтверждаются их лазскими и/или мегрельскими соответствиями.

Наконец, следует указать на два дополнительных обстоятельства, которые должны учитываться при применении приема относительной хронологии для реконструкции:

Г. Сванский эволюционировал после отделения от пракартвельского праязыка.

Д. Грузинский и занский после вычленения сванского начали расходиться благодаря инновациям в том или другом языке.

Для иллюстрации пяти предпосылок следует обсудить некоторые принципы группирования архаизмов:

Ad А. Классическое доказательство сохранения пракартвельского архаизма в сванском представляет собой уже рассмотренный «эргатив, совмещающий функции и другого падежа». Различное оформление разविшегося затем эргатива самостоятельного (груз. *-ma* или зан. *-k*) указывает на поздние процессы, протекающие в отдельных языках. Следует, однако, проверить, насколько выявленный в сванском, но в своих контекстах ограниченный рамками имен собственных, местоимений, числительных, сравнительной и превосходной степеней, эргатив на *-m* (ср. примеч. 3) может быть вместе с груз. *-ma* сведен к старому падежу картвельской прономинальной флексии.

Дополнительные аргументы для раннего вычленения сванского можно привести как на фонологическом, так и на морфологическом уровне.

Фонологический уровень: 1. Аффиксные и словарные соответствия делают возможной реконструкцию старого латерального, рефлексы которого, ограниченные анлаутом, мы находим в груз. *s* и сван. *l*¹⁴.

(24) Груз. *sa-katme* «курятник» (мегр. *o-kotome*, лазск. *o-kotumale*) : *la-ktalar*; *sa-texi* «стамеска» : *la-txi*; *sze* > *rze* «молоко» : *ləže*; *si-*—префикс (груз. *si-zmari* «сон» : лазск. *i-zmoža*) : *li-*¹⁵.

2. Лексические соответствия груз., зан. *t* : сван. *šd* объясняются палатальными *t'* в картвельском [6, с. 75]:

(25) Груз. *t*, зан. *t* : сван. *št/šd* < */t'/ : *txra* «рыть, копать», *txor* : *šdux*; *txili* «лесной орех», *txiri* : *šdix*; *tagvi* «мышь», лазск. *mtugi* : *šdug*; *otxi* «четыре», мегр. *otxi*, лазск. *otxo* : *wošdxw* и т. д.

Звуковому соответствию *t* : *šd* и в том случае присуще большое значение, если, соглашаясь с И. Меликишвили [21], объяснять *šd* как обусловленный позицией вариант **t*. Долгие гласные, обнаруженные в верхнебальском и лашхском, согласно аргументам Ониани [62] и Гигинейшвили [63], по-видимому, восходят к пресванскому.

(26) В.-бал. *ladey* : мн. ч. *ladyar* «день», н.-бал. *ladey* : *ladyar*; лашх. *legwēr* : *legwēral* «мельница», н.-бал. *lekwer* : *lekwerār* [62]; *dīna* «дочь, девушка» < **dīnā* : *čāš* «человек, мужчина» < **čaši* : груз. *qaci* [63].

Согласно концепции Гамкрелидзе / Мачавариани [9, с. 262 и сл.], можно ожидать существования долгих гласных, кроме того, в пракарт-

¹⁴ Ср., наоборот, груз. *asuli*, зан. *osuri* : сван. *asuš* и т. д. [6, с. 79; 61].

¹⁵ Ср. [2, с. 220; 6, с. 78]. По мнению автора, в занском **si-* едва прослеживается в качестве словообразовательного элемента; в то время как отглагольные имена (Verbalabstracta) образуются посредством циркумфикса *o...u* или суф. *-u* (ср., например, лаз. *o-ikval-u* «сказание, говорение», *gamaxtim-u* «выход»). Морфема *o-*, восходящая к **sa-*, вытеснила из занского элемент **si-* (груз. *si-*, сван. *li-*); подробнее см. статью автора «Место сванского в семье картвельских языков» («Материалы первого международного картвелологического симпозиума». Тбилиси, 1988).

вельском, что нелегко обосновать.

(27)			Груз.	Мегр.	Сван.
	Наст. вр.	(*ber)	v-ber-(av)	v-bar-un-k	a-bēl-e
	Аорист	(*bēr)	v-ber-e	v-bar-i	(čü)-adz-bēl-e
		«дуть»			

Морфологический уровень: 1. Неупорядоченная флексия; 2. Частое использование префиксов; 3. Аблаут: факты, обнаруженные Гамкрелидзе и Мачавариани [9] для общекартвельского, преобразуются аналогично; ср. [10, с. 66]:

(28) *qedni* «приходит» (вм. **qd-eni*): аор. 1 л. ед. ч. *onqwed* < **an-w-qed*, 2 л. *an-qed*, 3 л. *an-qad* < **an-qada* (ассимиляция) < **an-qeda* (аналогия) < **an-qd-a*; *qide* «приносит» (вм. **qede*): аор. *an-qid*.

Для дифференциации диатез (залогов) аблаут при бессуффиксных сильных глаголах систематически перестраивался:

(29)	<i>a-läx</i>	«он возвратился»	<i>a-tix</i>	«он возвратил»
	<i>a-xař</i>	«он сломался»	<i>a-xip</i>	«он сломал»
				(ср. [64; 65, с. 72]).

4. И м п е р ф е к т. На основе примечательного материала В. Топурия [3, с. 73 и сл.] Мачавариани подчеркивает в опубликованной посмертно статье различие между сванскими диалектами: «...диалекты сванского языка подчас больше отличаются друг от друга, чем занский язык от грузинского» [66, с. 207]. Мачавариани различает шесть типов:

(30) 1) тип с нулевым суффиксом (в.-бал., лент.): *řex-en-i* «возвращается» при имперф. *řex-en*; 2) тип с суф. *-a* (все диалекты): лашх. *amār-e* «готовит» при имперф. *amār-a*; 3) тип с суф. *-d*: н.-бал. (лахамульский) *ar-d* «был», *sgur-d* «сидел»; 4) тип с суффиксами *-n* (*-ən*, *-än*, *-on*): в.-бал. *xalař* «любит» при имперф. *xalař-ən* (*da*); 5) тип с суф. *-ol*: в.-бал. *imāri* «готовится» при имперф. *imār-ol* (*da*); 6) тип с суф. *-w* (н.-бал.): *ařxi* «ограждает, ставит ограду» при имперф. *ařxi-w*.

Важен вывод Мачавариани, согласно которому «сложение единого стандарта имперфекта, преобладание в этой функции суф. *-d* кажется вторичным явлением и представляет общую инновацию грузинско-занского» [66, с. 216]. По-видимому, суффиксальные формы различных типов служили первоначально для обозначения ряда образований длительного способа действия в прошлом¹⁶, прежде чем они, подобно образованиям настоящей основы как носителям имперфективного аспекта, были включены в систему флексийного аспекта.

5. Как морфологический архаизм следует рассматривать не единообразно проведенное оформление 3 лица в сванском. В этой связи затронем три суффикса:

1) морфема *-s* остается ограниченной рамками сослагательной функции, которая, по Климову [7, с. 161], соответствует ее «первоначальной дистрибуции»¹⁷:

(31) Ед. ч.: мн. ч.: I. *-s* (груз., зан., сван. в сослаг. накл.): *-en/-an*, *-an* (груз., зан.); II. *-a*, *-u* (груз., зан.): *-es* (груз., зан.); III. *-n* (груз.): *-ed* (груз.).

¹⁶ К вопросу о способе действия в индоевропейском см. недавнюю работу Рикса [67].

¹⁷ Ср. также [2, с. 46; 68, с. 65]. Другую интерпретацию см. [13, с. 261].

Ониани [69, с. 173], кроме того, предлагает дихотомическую дифференциацию форм без *-s* (1 и 2 лицо ед. числа) и форм с *-s* (3 лицо ед. числа плюс все формы мн. числа) — решение, которое представляется мне не бесспорным. Во-первых, возникает проблема обоснования в рамках звукового развития (ср. [68, с. 69]), а также вопрос отсутствия морфемы *-s* в 1 и 2 лице ед. числа:

(32) Сослаг. накл. I 1, 2 л. ед. ч. *xv-a-mār-de* «чтобы я приготовил», *x-a-mār-de* : 3-е л. ед. ч. *a-mār-des*, 1 л. мн. ч. (инкл.) *l-a-mār-de-d* < **l-a-mār-des-d* < **l-a-mār-des-šd* и т. д.

Во-вторых, неясен по своему происхождению суф. мн. числа *-x*, который связали с омонимичным адыгейским *-x*, ср. [17, с. 33]. Морфема не позволяет определить согласование: она относится к субъектам интранзитивных и лицам, совершающим действие транзитивных глаголов, также и в том случае, когда последние выражены объектными префиксами 2 или 3 лица [2, с. 65]:

(33) *çale* «говорит»: мн. ч. *çalex*; *amāra* «готовил»: мн. ч. *amārax* (имперф.), *anmāre* (аор.): мн. ч. *anmārex*; *ži-xal* «ты знаешь»: *ži-xal-x* «вы знаете». В-третьих, лишь в немногих примерах имеется личный преф. *-l*:

(34) *li* «есть»: 1, 2 л. *xvi*, *xi*; мн. ч. 3 л. *lix* : 2 л. *xīšd*; *lə-g* «стоит»: 1 л. *xug*, лашх. *xūg[xvi]*, *ləg xvi*; *lalēm* «съел»: 2 л. *lāxām*; *lalš* (лашх.), *latš* (в.-бал.) «выпил»: 1 л. *lōxuš*, *loxus*; *lā-n-ṭix* «принес обратно» < **lā-l-ṭix*; *lā-n-ḳid* «взял» < **lā-l-ḳid* и т. д.¹⁸

Эта морфема по своему происхождению не является показателем 3 лица, поскольку грузинские и занские рефлексy для картвельского личного суффикса 3 лица отсутствуют; 2) специально неоформленное 3 лицо ед. числа подтверждается черкесским языком, в котором преф. *-me*, *-ma* встречается только в определенных контекстах¹⁹; 3) неоформленное 3 лицо соответствует также принципу Бенвениста [71]: „Третье лицо“ не есть „лицо“; это именно глагольная форма, функция которой состоит в том, чтобы выражать *не-лицо*. Такому определению соответствуют отсутствие какого бы то ни было местоимения третьего лица (фундаментальный и общеизвестный факт, о котором здесь достаточно напомнить) и совершенно особое положение третьего лица в глаголе большинства языков».

Ad Б. Положение, при котором архаические черты общекартвельского сохранились в сванском и грузинском, возникло благодаря тому обстоятельству, что занские языки после вычленения сванского [ср. (23)] претерпели преобразования. На фонологическом уровне ими был затронут преимущественно вокализм с переходами от *e* к *a* и от *a* к *o*²⁰.

(35) Груз., сван.: зан.: *erti*, *ešxu* : зан. *arti* «один»; *sze*, *ləže* : мегр. *bža* «молоко»; *ḳaci*, *çaš* (*čäš*) : зан. *ḳoči* «человек»; *asuli*, *asuš* : зан. *osuri* «дочь» и т. д.

Terminus post quem для перехода *a* в *o* в занском дает греческий топоним милетской колонии *Ḳāsic*, современный Потти, расположенный у устья Риона [72; 6, с. 27]. На синтаксическом уровне к архаизмам, сохранившимся в грузинском и занском, принадлежат уже упомянутые транзитивные конструкции [см. (19) и (20)] и тмезис, которые независимо от этого сохранились также в дигорском диалекте осетинского; ср. [2, с. 12, 16; 73—75].

¹⁸ Дополнительную литературу по этой проблеме см. в [68].

¹⁹ Ср. [70]; ср. также [26, с. 139]: «В форме третьего лица в глаголах без приставок аффикс динамичности *uə* переходит в *mə*, который воспринимается в качестве показателя III лица».

²⁰ Но в ауслауте *-a* сохраняется: ср. груз. *šma*, *tba* : мегр. *šima*, *toba*.

(36) Др.-груз. *xolo ay-raj-dga gantiad pirvelsa mas šabatsa* ἀναστὰς ἐδ
 πρωί πρῶτη σαββάτου «Воскреснул рано в первый день недели» (Мк 16, 9);
 сван. *mi sga lok otš'edni qarqte* «Я, сказал он, у него в глотке застряну»;
 дигор. *æra-sæ-farsta* «спросил он их (-sæ)».

Сванский различает два класса префиксов: а) обозначенные Деетерсом [2, с. 17] как префиксы направления *an-*, *ad-*, *es-* и *la-*, которые прочно укоренились в вербальных формах; б) адвербальные префиксы *sga-*, *ka-*, *ži-* и *či-*, которые свободно связаны с глагольными формами и отражают тмезис. Действие закона Вакернагеля распространяется только на класс б).

Ad В. Положение, при котором архаические черты общекартвельского сохранились в сванском и занском, возникло благодаря тому, что грузинский эволюционировал после вычленения сванского. Важнейшее свидетельство этого представляет собой оживленно дискутируемое распределение аффрикат и сибилантов в картвельских языках. В теории Мачавариани [9, с. 385] совпадение между сванским и занским противоречит модели вычленения картвельских языков (23):

(37)	*	\tilde{z}	c	ç	z	s
		\tilde{z}_1	c ₁	ç ₁	z ₁	s ₁
		\tilde{z}	ç	ç̣	(ž)	š

Но если придерживаться более близкого к реальности подхода (теория была в последнее время подтверждена Меликишвили [76] типологическими аргументами), то грузинское отклонение от этой реконструкции (17) объясняется трансформацией, которая произошла в грузинском после вычленения сванского²¹:

(38)	*	\tilde{z}	c	ç	z	s
		\tilde{z}	ç	ç̣	ž	š
		$\tilde{z}g$	çk	ç̣k	(žg)	šk

Реконструкция Мачавариани, напротив, предполагала бы противоречащее модели вычленения (23) одинаковое развитие фонем в западном картвельском, охватывающем сванский и занский позднего периода, т. е. после вычленения сванского.

Ad Г. Сванские инновации относятся в фонологии преимущественно к обусловленным контекстом ассимиляциям гласных и среди прочего к умлауту (который был обнаружен Шанидзе [80], уточнен В. Топуриа [81, 82] для конечных слогов и исследован в монографии Калдани [83]), а также к лабиализации *a* и *e* [79; 6, с. 30, 35]:

(39) Груз. *tagvi* «мышь», лазск. *m-tugi*: сван. *šdug*, род. п. *šdugwi*;
 груз. *txemi* «темя, вершина, верх»: сван. *txum* «голова».

Эти комбинаторные трансформации базируются на реконструированной системе картвельских гласных, и их также следует отнести к периоду после вычленения сванского, как и уже упомянутое дальнейшее развитие консонантных групп *šk*, *çk*, *žg*, *çk*; см. (16) и (17). Ограничены пределами сванского также синкопа (редукция гласного) и апокопа. Оба процесса объясняются динамическим акцентом, который в доисторический период, по-видимому, приходился на первый слог слова. Правда, синкопа в лентехском выражена очень слабо. Осидзе выдвинула в недавнее время тезис о взаимозависимости между синкопой и апокопой: «Между редукцией-синкопой и отпадением конечных согласных существует внутренняя

²¹ Ср. [6, с. 54 и сл.]; в последнее время Фэнрих [77] высказался в защиту теории Мачавариани; ср. также [78, с. 20 и сл.] без определенного решения.

связь. Эти два процесса связаны друг с другом: где имеем отпадение конечного гласного, там редукция-синкопа уже не действует, и наоборот» [84, с. 60].

(40) В.-бал., лент. *tu-šwân* «сван»: н.-бал. *tu-šn-i*; в.-бал. *laqân* «пашня», лашх. *la-qan*: н.-бал. *la-qni*.

С другой стороны, выпадение согласных последнего слога — уже общесванское явление, как это показывает автор среди прочего на примере формантов основы наст. времени²². Взаимозависимость между синкопой и апокопой (40) остается в соответствии с этим, по-видимому, ограниченной теми случаями, при которых действие обоих законов, синкопы и апокопы, привело бы к отсутствию слоговой вершины. Что касается словарного фонда сванского языка, то Климов [65, с. 78] насчитывает 400 грузинско-сванских изоглоссе против 1000 грузинско-занских. Всестороннее исследование лексики сванского языка, как исконной, так и заимствованной из таких языков, как грузинский, мегрельский, турецкий, осетинский, абхазский, адыгейский и, наконец, русский, еще предстоит предпринять²³.

Ad D. В плане относительной хронологии к позднему времени следует отнести трансформации, ограниченные грузинским или занским [см. выше: вокализм (35), аффрикаты / сибиллянты (37), (38) и эргативная конструкция (19), (20)]. Возникшие благодаря палатализации переходы *d* в *ž* в занском недавно снова рассматривались Рогава [87], ср. также [6, с. 76; 8, с. 20].

(41) Др.-груз. *ṭredi*: лазск. *ṭorožī*, мегр. *ṭoronžī* «голубь»; др.-груз. *ṭeryedi* «гусь»: лазск. *ṭoryožī*, мегр. *ṭoryonžī*; др.-груз. *qidi* «мост»: зан. *xinži* (ср. осет. *xid, xed*)²⁴; др.-груз. *qundi* «деревянная колодка»: мегр. *xunži*.

Сформулируем кратко наши выводы. Исходя из принципов реконструкции, т. е. процесса идентификации материала с целью выявления генетического языкового родства и разграничения архаизмов и инноваций, были обсуждены некоторые архаизмы древнегрузинского, обусловленные абсолютной хронологией. После краткого исторического экскурса в области релятивной хронологизации явлений, связанных с исторической фонологией, был предпринят анализ последовательности важнейших трансформаций в картвельских языках, строившийся на трех предпосылках: 1. Родословное древо Деетерса (23); 2. Статус сванского как маргинального языка с консервативными признаками; 3. Допущение общих инноваций в грузинском и занском (принцип Лескина). Для иллюстрации этой теории в заключении были представлены обоснования для пяти различных фактов. Это: 1) архаизмы, которые остались ограниченными рамками сванского; 2) сванские архаизмы, которые подтверждаются грузинским; 3) сванские архаизмы, которые подтверждаются лазским и/или мегрельским; 4) сванские инновации, которые возникли после вычленения этого языка из пракартвельского; 5) дифференциация грузинского и занского в период после вычленения сванского.

²² «И в системе сванского языка гласные суффиксы исторически предполагают структуру VC. Показатели основы презенса *-a*, *-e* и *-i* получены из вариантов **-an*, **-ew* и **-il/-el* соответственно» [84, с. 59].

²³ Ср. [65, с. 81]; об элементах иранского происхождения см. [85], об адыгейских заимствованиях — [86].

²⁴ Ср., однако, Мачавариани [8, с. 21]: «из общекартвельской глагольной основы **qed-*».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Benveniste E.* La classification des langues // Conférences de l'Institut de linguistique de l'Université de Paris II. P., 1952—1953 (= *Benveniste E.* Problèmes de linguistique générale. P., 1966. P. 104).
2. *Deeters G.* Das kharthwelische Verbum. Leipzig, 1930.
3. *Топуриа В.* Сванский язык. I. Глагол. Тбилиси, 1931; 2-е изд. Тбилиси, 1967 (на груз. яз.).
4. *Чикобава А.* Чанско-мегрельско-грузинский словарь. Тбилиси, 1938 (на груз. яз.).
5. *Гамкрелидзе Т.* Сибилянты соответствия и некоторые вопросы древнейшей структуры картвельских языков. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).
6. *Schmidt K. H.* Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der südkaukasischen Grundsprache. Wiesbaden, 1962.
7. *Климов Г. А.* Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.
8. *Мацавариани Г.* Общекартвельская консонантная система. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).
9. *Гамкрелидзе Т. В., Мацавариани Г. И.* Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).
10. *Gamkrelidze T. V., Mačavariani G. I.* Sonantensystem und Ablaut in den Kartvelsprachen. Eine Typologie der Struktur des Gemeinkartvelischen / Ins Deutsche übersetzt, bearbeitet und mit einem Nachwort versehen von Boeder W. Tübingen, 1982.
11. *Чикобава А.* Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов / Отв. ред. Жирмунский В. М. Л., 1967. С. 13.
12. *Чикобава А.* Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. Тбилиси, 1948 (на груз. яз.).
13. *Schmidt K. H.* On the reconstruction of Proto-Kartvelian // Revue de Kartvéologie Bedi Kartlisa. 1978. 36.
14. *Климов Г. А.* Склонение в картвельских языках в сравнительно-историческом аспекте. М., 1962.
15. *Кипшидзе И.* Грамматика мингрельского (иверского) языка. СПб., 1914. С. 021.
16. *Kuryłowicz J.* The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964. P. 14.
17. *Дондуа К. Д.* Адыгейского типа эргатив в сванском // ИКЯ. 1946. 1 (= *Дондуа К. Д.* Избр. тр. I. Тбилиси, 1967).
18. *Мартиросов А.* Местоимение в картвельских языках. Историко-сравнительный анализ. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.).
19. *Machavariani G. I.* The system of the Ancient Kartvelian nominal flecion as compared to those of the Mountain Caucasian and Indo-European Languages // Theoretical problems of typology and the northern Eurasian languages / Ed. by Dezsö L., Hajdú P. Amsterdam, 1970.
20. *Топуриа Г.* К истории творительного падежа в сванском // Изв. АН ГрузССР. Сер. лит-ры и яз. 1977. 3 (на груз. яз.).
21. *Меликишвили И.* К объяснению двух изолированных звукосоответствий в картвельских языках // Вопросы современного общего языкознания. 1981. 6. С. 70 (на груз. яз.).
22. *Чикобава А.* К древне- и новогрузинскому компонентам в морфологической и синтаксической структуре языка «Витязя в барсовой шкуре» // ИКЯ. 1966. 15 (на груз. яз.).
23. *Kavtaradze I.* Der Entwicklungsweg der georgischen Literatursprache // Georgien / Sakartvelo (Wiss. Zeitschr. der Friedrich-Schiller-Universität Jena). 1975. 24.
24. *Сарджвеладзе З.* Введение в историю грузинского литературного языка. Тбилиси, 1984 (на груз. яз.).
25. *Шанидзе А.* Грамматика древнегрузинского языка. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).
26. *Рогова Г. В., Керашева З. И.* Грамматика адыгейского языка. Краснодар; Майкоп, 1966.
27. *Schmidt K. H.* Casus indefinitus bei Eigennamen // Revue de Kartvéologie Bedi Kartlisa. 1980. 38.
28. *Schmidt K. H.* Eine typologische Übereinstimmung in der altgeorgischen und altarmenischen Verbalflexion // KZ. 1985. 98.1.
29. *Holt J.* Études d'aspect // Acta Jutlandica. 1943.15. 2.
30. *Meillet A.* Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes, 4th ed. P.; 1969. P. 249 (=Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л. 1938.).
31. *Schmidt K. H.* Aspekt und Tempus im Altgeorgischen // ЕИКЯ. 1985. 12.

32. Чикобава А. Проблема эргативной конструкции иберийско-кавказских языках. Тбилиси, 1948. С. 79 (на груз. яз.).
33. Мачавариани Г. Категория вида в картвельских языках // Вопросы структуры картвельских языков. 1974. 4. С. 123 (на груз. яз.).
34. Schmidt K. H. On Aspect and Tense in Old Georgian // FoSl. 1984. 7.
35. Шмидт К. Х. Типологическое сопоставление систем картвельского и индоевропейского глагола // ВЯ. 1984. 3. С. 52.
36. Шанидзе А. Изменение системы выражения глагольной категории вида в грузинском и его последствия // Вестник АН ГрузССР. 1942. 3.9.
37. Schmidt K. H. Zu den Aspekten im Georgischen und in indogermanischen Sprachen // Revue de Kartvélogie Bedi Kartlisa. 1963. 15—16.
38. Натадзе Н. О будущем времени в картвельских языках // Вопросы структуры картвельских языков. 1961.2 (на груз. яз.).
39. Чумбуридзе З. Будущее время в картвельских языках. Тбилиси, 1986 (на груз. яз.).
40. Чикобава А. Грамматический анализ чанского диалекта. Тбилиси, 1936 (на груз. яз.).
41. Шанидзе А. Основы грамматики грузинского языка. I: Морфология. 2-е изд. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).
42. Кацарадзе И. К истории основных категорий глагола в древнегрузинском. Тбилиси, 1954 (на груз. яз.).
43. Гагуа К. Недостаточные в отношении времени глаголы в сванском языке. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).
44. Götze A. Relative Chronologie von Lauterscheinungen im Italischen // IF. 1923. 41. S. 78—79.
45. Hoenigswald H. M. Studies in formal historical linguistics. Dordrecht; Boston, 1973. P. 12—13.
46. Топуриа Г. В. Вопросы морфологии склонения в дагестанских языках // ВЯ. 1987. № 1. С. 72.
47. Schmidt K. H. Ergativkonstruktion und Aspekt // В честь на академик В. Георгиев. София, 1980.
48. Климов Г. А. К эргативной конструкции предложения в занском языке // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов / Отв. ред. Жирмунский В. М. Л., 1967.
49. Harris A. C. Georgian and the unaccusative hypothesis // Language. 1982. 28. P. 294.
50. Климов Г. А. Типология языков активного строя. М., 1977.
51. Trost K. Die Perfekterephase im Altkirchenslavischen und Altarmenischen. Ein Beitrag zur vergleichenden Syntax // IF. 1968. 73. S. 87—109.
52. Jensen J. Altarmenische Grammatik. Heidelberg, 1959. S. 177.
53. Schmidt K. H. Perfekt, Haben und Übergang von Ergativ- zu Nominativ-Konstruktion im Armenischen und Südkaukasischen // Revue de Kartvélogie Bedi Kartlisa. 1982. 40. S. 286.
54. Stempel R. Die infiniten Verbalformen des Armenischen. Frankfurt-am-Main; Bern; New York, 1983. S. 68.
55. Сагокия М. М. Посесивность, переходность и эргативность. Типологическое сопоставление древнеперсидских, древнеармянских и древнегрузинских категорий. Тбилиси, 1985.
56. Comrie B. Language universals and linguistic typology. Oxford, 1981. P. 212.
57. Villar F. Ergatividad, acusatividad y genero en la familia lingüística indoeuropea. Salamanca, 1983.
58. Schmidt K. H. Zur Vorgeschichte des prädikativen Syntagmas im Indogermanischen // o-o-pe-ro-si. Festschrift für Ernst Risch zum 75. Geburtstag / Hrsg. von Etter A. B.; N. Y., 1986. S. 94.
59. Leskien A. Die Declination im Slavisch-Litauischen und Germanischen. Leipzig, 1876 (= Leipzig, 1963). S. XIII.
60. Meillet A. Esquisse d'une histoire de la langue latine. P., 1966. P. 16.
61. Сарджвеладзе З. Звуковое соответствие груз./: сван. § // Юбилейный сборник, посвященный Г. Ахвледиани. Тбилиси, 1969.
62. Омиани А. К вопросу о долгих гласных в сванском // ИГЯ. 1962. 13 (на груз. яз.).
63. Гиגיешвили Б. Долгота гласных и вопрос об ауслате в сванском // Изв. АН ГрузССР. Сер. лит.-ры и яз. 1973. 2 (на груз. яз.).
64. Мачавариани Г. «Безаффиксный пассив» в картвельских языках // Вопросы структуры картвельских языков. 1959. 1 (на груз. яз.).
65. Климов Г. А. Введение в кавказское языкознание. М., 1986.

66. *Мачавариани Г.* Имперфект в сванском и его место в системе спряжения картвельских языков // ИКЯ. 1980. 22 (на груз. яз.).
67. *Rix H.* Zur Entstehung des urindogermanischen Modusystems // IBS. Vorträge und Kleinere Schriften, 36. Innsbruck, 1986.
68. *Schmidt K. H.* Miscellanea Svanica // ЕИКЯ. 1982. 9.
69. *Ониани А.* Вопросы исторической морфологии картвельских языков. Тбилиси, 1978 (на груз. яз.).
70. *Deeters G.* Die kaukasischen Sprachen // Handbuch der Orientalistik. 1963. 1. Abt. 7. Bd. S. 52.
71. *Benveniste E.* Structure des relations de personne dans le verbe // BSL, 1946. 43. Fasc. 1 (= Problèmes de linguistique générale. P., 1966. P. 228. = *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974. С. 262).
72. *Allen W. E. D.* A history of the Georgian people. L., 1932. P. 50.
73. *Schmidt K. H.* Zur Tmesis in den Kartvelsprachen und ihren typologischen Parallelen in indogermanischen Sprachen // Юбилейный сборник, посвященный Г. Ахведиани. Тбилиси, 1969.
74. *Schmidt K. H.* Zur Sprachtypologie des Ossetischen // Revue de Kartvélogie Bedi Kartlisa. 1970. 27.
75. *Исаев М. И.* Дигорский диалект осетинского языка. Фонетика. Морфология, М., 1966. С. 83.
76. *Меликишвили И.* Общекартвельская сибилантная система с точки зрения функциональной типологии // Вопросы современного общего языкознания. 1980. 5 (на груз. яз.).
77. *Fähnrich H.* Zur Rekonstruktion der gemeinkartwelischen Sibilanten // Georgica. 1982. 5.
78. *Gudjedjani Ch., Palmaitis M. L.* Upper Svan: Grammar and Texts // Kalbotuga. 1986. 37 (4).
79. *Мачавариани Г.* Случай лабиализации гласного *a* в сванском языке // Вестн. АН Груз.ССР. 1956. 17 (на груз. яз.).
80. *Шанидзе А.* Умлаут в сванском // Arili. Festschrift I. Dschawachischwili. Tbilissi, 1925 (= *Шанидзе А. Г.* Соч.: в 12-ти т. Т. 2. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).
81. *Топуриа В.* К истории окончания имен в сванском // Тр. Тбилисского гос. ун-та. 1927. 7 (на груз. яз.).
82. *Топуриа В.* Еще раз об умлауте в сванском // Тр. Тбилисского гос. ун-та, 1928. 8 (на груз. яз.).
83. *Калдани М.* Фонетика сванского языка. I. Система умлаута в сванском. Тбилиси, 1969. (на груз. яз.).
84. *Осидзе Е. А.* Аушлаут в сванском и некоторые вопросы исторической морфологии сванского языка // ЕИКЯ. 1982. 9.
85. *Андроникашвили М.* Разыскания из иранско-грузинских языковых связей. Тбилиси, 1966. С. 600 (на груз. яз.).
86. *Розава Г.* Некоторые адыгейские слова в картвельских языках // Этимологические разыскания / Под ред. Ломтатидзе К. Тбилиси, 1987 (на груз. яз.).
87. *Розава Г.* Вопрос о позиционной аффрикатизации согласных *d* и *r* в картвельских языках // ЕИКЯ. 1986. 13 (на груз. яз.).